

є різного роду афери, авантюри, злodianня та підлості. І, якщо вірне спостереження П. Слотердайка, критика "цинічного розуму", що нинішня система "відчуває себе чимось серединним між в'язницею і хаосом", то, на мій погляд, виправдано припустити, що її типовий "герой" є кимсь "середнім" між злочинцем і душевнохворим. Сам П. Слотердаjk, даючи психологічну оцінку нинішньому цинікові, називає його "розумним меланхоліком". Тому що, сучасний цинізм – це "освічена" хибна свідомість". Втеча в цинізм від ідеалів Розуму й Просвітництва є для нинішнього соціального "суб'єкта" рятівним притулком або "мистецтвом адаптації", словами Є. Ермоліна. Як що історичне мислення більше не вірить і не визнає зміст всесвітньої історії. Як що більше не бажає бачити речі, якими вони "повинні бути", а бачить їх лише такими, які вони є, і в такій "премудрості" залишається апатичним, а в житті байдужим, безвладним і невразливим, то цинізм і постає єдиною формою його існування. Не зазнаючи ілюзій про чинене людством колективне самогубство, навчений гірким досвідом фактів історії – розум "іде" у хибність, щоби "хоч якось перебитися" (П. Слотердаjk), адже він продовжує жити в історії, нехай і не оглядаючись, і як би всупереч їй.

З яких же позицій можлива критика "цинічного розуму", з яких позицій веде її сам П. Слотердаjk, і яка в нього "вихідна точка огляду"? Філософ сам повторює, що для безстороннього і відстороненого всебічного опису "немає ніякого центра", що критика "переживає сумні дні". Він звертається до досвіду "оновленої критики пізнання", "Критичної теорії", що бере в розрахунок емоційне апіорі, позицію мікрології: загострена сприйнятливість забезпечить утопією щастя й убереже від огрубіння через його (щастя) незбування. Відкидаючи "ідеалізми", як помилкові сутності, що навчають жити так, як у них говориться, П. Слотердаjk вважає за необхідне чинити як зухвалі (відважні) й сатиричні античні кінки в області пізнання – "говорити так, як живуть, і про те, що складає життя", оскільки лише так можна перебороти шизофренічну розірваність "носіїв духу".

Але є різниця від перебування в "правдивих" подробицях і відношенні до них. Описувати дрібниці-подробиці, не поглинаючись ними, означає зайняти визначену ідейну і моральну позицію, що ідеально-ціннісно виводить за межі щоденної повсякденності та цинізму. І, навпаки, розчинитися в дріб'язках і вважати їх повсякденним і природним станом і, більш того, зводити своє посереднє самовдоволення в моральний принцип, скидаючи ідеали і високі устремління, означає зробитися нікчемним і вульгарним.

С. Н. Ягодзинский, канд. филос. наук, НАУ, Киев
sophist@nau.edu.ua

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ: СТАТИКА – ПРОГНОЗИРОВАНИЕ – УТОПИЯ – ОТЧАЯНИЕ

Как известно, вопрос о периодизации истории сформулировали представители Просвещения, рассматривая прогресс человечества как необходимую и неотвратимую составляющую его будущего. В качестве

критериев были избраны идеальные конструкты – свобода, равенство, справедливость, наука, мораль, сознание. Но, в целом светлая идея, сегодня она превратилась в тотальную, нарративную и, при этом, небезопасную утопию. Предложенные немногим позже в XIX – начале XX века концепции исторического развития раскрыли многообразие исторического опыта, обнаружили его детерминанты, позволили выполнить моделирование истории как выразителя сущности форм общественного бытия. Десятки исследователей, сотни интерпретаторов, тысячи последователей и критиков углубляли понимание историчности социума, связности политической, религиозной, правовой, научной и экономической практики жизнедеятельности.

К 30-м годам прошлого столетия устойчиво закрепилось мнение об адекватности понимания истории, оценки настоящего и возможностей определения векторов прогресса. Именно в это время происходит теоретическое разграничение понятий "историзм" и "историцизм", которые еще в середине XIX в. для многих исследователей были синонимами. Наиболее целостно сущность проблемы выявили в немецкой и советской философии, первая из которых представила глубокий логико-методологический анализ соответствующей категориальной базы (Ф. Ницше, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер), а вторая – концептуально оформила диалектико-материалистическое понимание истории (В. Ленин, Г. Плеханов и др.). Параллельно утвердились и обрели научный статус цивилизационная, осевая и волновая теории.

К концу XX в. насчитывалось более десяти интерпретаций исторического развития [Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М. : Современные тетради, 2003. – С. 327–424], охватывающих практически все факторы и сферы социальной действительности. При этом каждая следующая теория уменьшала временную шкалу периодизации. В работах американского историка А. Шлезингера уже говорится о циклах в 30 лет, с их внутренним дроблением на два 15-летних периода [Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории / закл. ст. В. И. Терехова. – М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. – С. 41–77].

Это вынуждает нас усомниться в самой возможности и перспективности репрезентации истории как целостно-системного образования, которому присущи закономерности, связи и иерархия. Для того чтобы убедиться в справедливости сделанных выше замечаний, достаточно пересмотреть существующие учебные издания по стандартному университетскому курсу дисциплины "Философия". В большинстве случаев авторы не разграничивают периодизацию истории и периодизацию общественного развития. На наш взгляд, существует несколько причин этому явлению.

Первая заключается в различии западного и отечественного подходов к пониманию задач и принципов периодизации. Введенное в марксизме понятие общественного развития, несколько отодвинуло культурно-

исторический контекст и приучило считать экономические факторы более действенными. Возможность и простота квантификации экономических показателей придала формационному подходу внешне надежное объективно-научное обоснование. Несмотря на это, современность демонстрирует прямую зависимость (и даже подчиненность) экономики другим (политическим, религиозным, моральным) формам общественного бытия. Абсолютизация последних факторов западными мыслителями создала противоположную, но не менее догматично-замкнутую, теорию циклов истории.

Вторая причина указанного явления сокрыта в смысле вычленения периодов. Исчерпывающими нам видятся три направления: 1) понимание прошлого; 2) интерпретация прошлого в категориях современности; 3) предсказание будущего, со ссылкой на существующий опыт и силу аналитического моделирования. Не решив, какая именно задача решается, определиться с обоснованием критерия и даже названием периодизации логически затруднительно.

Третьей трудностью следует считать неустранимость идеологического компонента историко-философских интерпретаций. Степень влияния субъекта исследования на его результаты тут значительно выше, чем при изучении квантовых явлений. В свое время это заметил еще В. Дильтей, указывая на то, что познающий бытие истории субъект, сам есть его частью. Соответственно, ни о какой объективности речь не идет. В том или ином объеме истина здесь всегда политически ангажирована. Вследствие этого происходит смещение фокуса исследования с истории на ее предпосылки. Очевидно, данный подход имеет значительный эвристический потенциал для прогнозирования, ибо направляет на предвосхищение событий или их ревизию сквозь призму мотивов.

Вместе с тем, в таких условиях цели исторической периодизации вступают в противоречие с проблемой моделирования будущего и очерчиванием направлений цивилизационного становления. Особенно ощутимо указанная коллизия проявилась в условиях информационного общества, к темпу которого оказались не готовы уже ставшие традиционными подходы. Например, согласно социологическим теориям Э. Тоффлера и Д. Белла общество 80–90-х годов XX в. и общество начала XXI в. принадлежат к одному и тому же – постиндустриальному (информационному) типу. С другой стороны, более поздние подходы, хотя и детализируют современность, утрачивают культурно-историческую составляющую, что приравнивает качество прогноза к статистической ошибке.

Закономерно возникает вопрос: нужна ли современной культуре философия истории? Не исчерпала ли она своего эвристического ресурса, отдавая первенство социальной инженерии? Отбросив категоричность формы замечания, спросим себя: кроме незыблемой "философской веры", существуют ли реальные потребности и социальный заказ на культурно-исторические и социально-философские поиски смысла, направлений, источников и механизмов истории? Ответ на этот вопрос

далек от тривиальности и ведет к пересмотру актуальности базисных проблем философско-исторических поисков, обновлению их методологических и мировоззренческих установок.

Исходя из социальных пространственно-временных характеристик информационного общества, считаем приемлемым использовать терминологическую базу космологической теории струн. В этом случае исторические события – это точки пересечения вневременных, атрибутивных характеристик общественного бытия, представляющих собой своеобразные струны. Циклические, линейные, осевые и иные признаки исторического времени в подобной интерпретации утрачивают причинно-следственное обоснование, что открывает возможность рассматривать историю как сеть, натянутую в четырехмерном пространстве: "прошлое (*ширина*) – современность (*высота*) – постсовременность (*глубина*) – будущее (*время*)".

А. Л. Якубин, канд. полит. наук, НТУУ "КПИ", Киев
jacubin@gmail.com

"КОСМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ" В СОЧИНСКОМ ЭСКИЗЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ РФ

Политика памяти – это селективная публичная подача коллективными и индивидуальными акторами различных уровней ряда смысловых образов/месседжей, связанных с прошлым, с целью создания общей идентичности определенной социальной группы или политического образования. Селекция связана с публичными практиками запоминания или забывания отдельных образов, с попыткой их символического примирения. Материалом политики памяти могут быть как **материальные объекты** (памятники, места, отдельные предметы, фильмы, книги), так и **идеальные** – концептуальные схемы или основоположные идеи (например – лозунги французской революции – свобода, равенство, братство), хотя они всегда взаимно связаны, как форма – смысл. "Реалистичность" политики памяти достигается с помощью коллективной репрезентации и смыслообразующего идеалистического повествования о мире для определенной целевой коллективной аудитории. Хотя политика памяти вроде бы о прошлом – но, по-существу, она всегда о настоящем и будущем. Постараемся теперь в этом ключе рассмотреть новый предложенный эскиз к политике памяти России, представленный видео-роликом "*Сны о России / Алфавит России / Азбука: от А до Я*" (объект нашего анализа), продемонстрированный на церемонии открытия 22-й Зимней Олимпиады-2014 в Сочи (РФ), (хронометраж ролика 3 мин. 38 сек.) его визуально-смысловых значений. Я остановлюсь лишь на некоторых штрихах этого объекта, ориентируюсь на его общий нарративный, конструктивный и воображаемый характер. Это – наш **экспланандум**.